

Если бы его женой был я, то у него не было бы жены.

Я тут попытался написать сетевой роман.

Последнее время начитался подобного чтива и решил, что сам так смогу: в голове роилось столько старых обид и любовных страстей, так и просившихся наружу, а желание высказаться достигло небывалых высот.

Но стоило мне открыть ноутбук, создать документ и положить пальцы на клавиатуру, как я зашел в тупик.

Посидев минут пять, я решил, что для начала неплохо бы придумать название.

Спустя пятнадцать минут, допив второй стакан айс-американо, я с чувством особой важности выравнивал первую строку документа по центру, сделал шрифт полужирным и набрал: Отвергнутый жестоким подонком, сильный, гордый и несчастный дублер после расставания сталкивается с преследованиями и заточением.

Черт.

Я же собрался писать фэнтези и уся! Что это вообще за хрень?!

Впрочем, выдумывать название — дело до того муторное, что раз уж одно с таким трудом родилось, пусть пока черт возьми побудет так, авось потом, придет вдохновение — переименую.

Во второй строчке, тоже по центру, я указал свой псевдоним шрифтом поменьше: Ли Шань.

Наконец-то можно было приступать к самому тексту.

Я взял в руки телефон, увидел сообщение от Ян Фу и выругался еще крепче.

Сосредоточенно поразмыслив, я решил отнестись к этому зрело.

Я вернулся в дом, убрал торт в холодильник и уже собирался подняться на второй этаж, чтобы продолжить творческий процесс, как тут вернулся Ян Фу со своим прихвостнем.

Хотя мне совсем не хотелось общаться ни с самим Ян Фу, ни с купленным им тортом, курьер-то был ни при чем.

Вообще-то мне было жутко лень с ним возиться, но, подумав немного, я решил, что мне уже тридцать — подобает вести себя зрело.

Я объяснил: Я на втором этаже, вентилятор включен.

Он выглядел искренне, и я даже растрогался, но на самом деле все было совсем не так, как ему казалось.

Сегодня мне как раз исполнялось тридцать, и в его напоминаниях я не нуждался, но раз уж он проявил заботу, я из вежливости отозвался.

Прихвостень радостно затыкал: Братуха Чу! С днем рождения!

Парень наконец разжал пальцы, но уходить не спешил и участливо поинтересовался: У вас что, свет отключили? Разве без кондиционера не жарко? Я только что доставлял заказ в дом через несколько зданий отсюда, так у них там электричество есть! Вы случайно не перегрузили сеть? Хотите, я посмотрю? Жара-то какая! Я учусь на электротехническом факультете Т-ского университета, и хотя связь между учебой и практикой тут довольно шаткая, в проводке и приборах я и впрямь немного разбираюсь.

(...)

Быть зрелым человеком означает, что даже если этот пес в прошлом сводил Ян Фу с другими, а когда я об этом узнал, то посоветовал мне проявить широту взглядов и заявил: ну у какого босса или влиятельного человека на стороне не бывает интрижек? Прояви благоразумие, останешься законным супругом, всем будет хорошо и удобно, а упрямство до добра не доведет... — так вот, даже после всего этого я все равно должен вести себя так, будто ничего не произошло, и сдерживать порыв схватить стоявший рядом стул и во второй раз проломить ему дурную голову.

Тогда мне еще не было тридцати, и можно было назвать меня горячим юнцом. Выслушав эту тираду о благоразумии от сего пса, я лишился дар речи и смог выразить свои чувства исключительно через действие.

Курьер оказался молодым парнем с отличной фигурой: длинные ноги, узкая талия, широкие плечи. Весь в черном, только маска белая, надбровные дуги выразительные, а в глазах сияет чистый, ясный свет.

Я только отложил телефон, как раздался звонок в дверь.

(...)

Я взял торт, но парень не отпускал коробку. Глядя на меня, он настойчиво предупредил: Если сейчас есть не будете, обязательно уберите в холодильник.

Второе упоминание означало, что был и первый раз.

Он говорил, что на дороге пробки и он вернется позже, а если торт доставят раньше, я должен буду принять его сам.

Все из-за того, что телефон завибрировал от входящего сообщения! Всякое вдохновение тут же улетучилось! Главное в написании романов — это концентрация! Черт!

Не сумев оказать помощь, парень наконец ушел.

Прихвостень с наглой ухмылкой протянул: Не буду мешать вашему уединению, ха-ха-ха-ха, братуха Чу, я пошел.

Как назло, у меня пересохло в горле, и я пошел на кухню попить воды, так что провожать его было некогда.

Разумеется, это было лишь взвешенное заявление тридцатилетнего мужчины.

По правде говоря, я бы проводил его разве что в том случае, если бы переехал на машине прямо на тот свет. На его похороны я бы и то не пошел.

Пока я пил воду, прихвостень испарился.

Ян Фу заискивающе улыбнулся мне и затараторил с оправданиями: Я сейчас сам водить не могу, а у жены Сяо Чжао, сам знаешь, период восстановления после родов. На днях у нее вдруг началась послеродовая депрессия, я тут же отправил Сяо Чжао домой присматривать за ней, и только этот парень оказался свободен, иначе я бы ни за что его не позвал... Не обращай на него внимания, он просто дурак... Жена, с днем рождения, пусть ты всегда будешь таким же ярким и прекрасным цветочком.

Пожелай он мне упокоения в мире и вечной памяти добродетелей, я бы еще подумал, что в его словах есть хоть доля искренности.

А фраза ярким и прекрасным звучала донельзя слащаво и эгоистично.

К тому же, я не его жена. Если бы его женой был я, то у него не было бы жены.

Я не стал брать цветы, ничего не ответил и с места не сдвинулся, продолжая стоять в полукруглой кухне и смотреть на него.

Подождав немного и поняв, что я не собираюсь подходить, он сам двинулся ко мне.

Я равнодушно смотрел, как он с трудом ковыляет ко мне: в правой руке костыль, в левой — букет, а на лице написана вселенская мука.

Начнись это раньше, я бы уже давно бросился к нему, забрал цветы, подставил плечо и помог пройти... Нет, будь я прежним, я бы ни за что не позволил ему сбежать из больницы ради празднования моего дня рождения. Я бы дежурил у его койки, дрожа от страха, что кто-то недоглядит и вода для Ян Фу окажется на градус холоднее или теплее, чем нужно.

А теперь?

То, что я не подкупил медперсонал подбросить тараканов в подушку Ян Фу, еще доказывает, какая я скупердяйка, не желающая потратить на него ни единой копейки.

В этот раз, когда Ян Фу попал в больницу после аварии, я не навестил его ни разу.

Он каждый день присылал мне сообщения, селфи и видео со словами: мол, тот приходил навестить, этот навещал. Я, настроения ради, изредка отвечал шестеркой.

Заметив, что я по-прежнему игнорирую его реплики, он заволновался и зашел с намеками: Все о тебе спрашивают, интересуются, почему тебя нет. Я ответил, что ничего особенного не случилось, просто кость сломана, вот я и не стал тебя дергать, чтобы ты зря не волновался. Ты только не переживай за меня, я в порядке, правда в порядке. Врач сказал, что срастание костей и сухожилий занимает сто дней — всего-то сто дней, три месяца и восемь дней, четверть года и восемь дней, и время быстро пролетит.

Я ответил: Угу, хорошо, не переживаю, я спокоен.

Он заявил, что после таких слов успокоиться совершенно не может, хотя какое мне до этого дело?

Сегодня мой день рождения, и Ян Фу еще за неделю начал выпытывать, как я хочу его отметить, уверяя, что дата круглая, так что никак нельзя обойтись без двадцати-тридцати

столов гостей.

Я ответил, что день рождения отмечать не буду.

Если оглянуться на мои предыдущие двадцать девять дней рождения, то во всех воспоминаниях, что сохранились в памяти, не было ни одного хорошего события.

Когда-то я думал, что хорошее все-таки случалось — например, Ян Фу впервые овладел мной в день моего девятнадцатого рождения, но теперь-то я понимаю, что это можно смело поставить на первое место в рейтинге худших событий моей жизни, корень всего зла, так сказать.

Можно выбрать и что-нибудь другое.

В день моего двадцатилетия Ян Фу арендовал большой зал в отеле, выставил больше десятка столов, народу собралось немало, было шумно. К тому времени бизнес господина Яна уже процветал, шли переговоры о выходе компании на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Посреди вечера Ян Фу позвонили, сказав, что в компании возникло срочное дело, и он поднялся наверх в номер отеля, чтобы спокойно все обсудить.

Я остался внизу встречать гостей.

Кто-то перебрал с алкоголем и, поднимая за меня тост, случайно ткнул палочками для еды мне в одежду, оставив жирное пятно.

Я попросил знакомого присмотреть за залом и тоже поднялся наверх, планируя быстро привести себя в порядок.

Добравшись до этажа и еще не завернув за угол коридора, я услышал голос Ян Фу, с кем-то разговаривавшего: Сколько тебе лет?

Другой голос звучал звонко, с присущим молодежи задором: Девятнадцать.

Девятнадцать... Первый или второй курс института? Голос Ян Фу звучал на редкость мягко.

Это было не в его правилах, не его характер. Конечно, со мной он бывал таким, но кто я? И кто тот человек, с которым он сейчас разговаривал?

Я замер у угла стены, молча наблюдая за ними. Молоденький парень, с которым он беседовал, был миловидным, одетым в униформу гостиничного уборщика, и походил на прямой молодой бамбук.

Ян Фу держал в руке снятый пиджак, галстук небрежно болтался на шее, верхние три пуговицы рубашки были расстегнуты, широко обнажая ключицы.

В последние годы ему нравилось выглядеть солидным франтом, но в то же время он ненавидел ощущение скованности — сплошное противоречие.

Сейчас он расслабленно прислонился к косяку двери, и в уголках его глаз, и на губах играла улыбка. Он разглядывал паренька, отчего тот даже покраснел.

Этот человек обладал личным обаянием — выражаясь высокопарно, от него исходило первобытное сексуальное напряжение, та самая мужественность. С первого взгляда было понятно, что он парень непростой, с диким бунтарским зарядом бьющих через край гормонов.

Правда, за последние годы он сильно усмирил свой нрав.

Впрочем, братец Ян при всем своем усмирении оставался мастером соблазнения чистых юношей, ему хватало навыков с лихвой.

Ян Фу, прекрасно все понимая, делал фальшивый вид: Чего покраснел? Чего ты так смущаешься? Я ведь не девушка.

Парень даже боялся поднять на него взгляд, стыдливо опустив голову.

Ян Фу продолжал сверлить его глазами: Подрабатываешь на учебу?

Мальчик кивнул.

Какой хороший ребенок. Захочешь — и без меня Ян Фу готов его усыновить.

Какой послушный, — с чувством произнес Ян Фу, разблокировал телефон, протянул его пареньку и чуть приподнял подбородок.

Парень поднял на него глаза, взял гаджет и вбил свой номер.

Мальчик оказался не только послушным, но и сообразительным.

Ян Фу забрал телефон обратно и начал: На досуге... — голос резко оборвался. Он мгновенно выпрямился, уставившись на меня: Ты как тут оказался?

Паренек обернулся, и выражение на его лице... кажется, было полным изумления.

Яркие большие глаза захлопали, судя по всему, в эти несколько секунд до него дошло, кем я прихожусь Ян Фу. Он торопливо кивнул мне и, толкая тележку для уборки, убежал.

Я подошел к двери комнаты, Ян Фу боком пропустил меня внутрь, а затем вошел следом и забормотал: Не пойми меня неправильно, я просто подумал, что парень славный, вспомнил тебя в те годы... Наша компания ведь столько лет помогает малоимущим студентам, я как раз собирался поручить Сяо Чжао связаться с ним насчет спонсорства.

Я поднимался наверх, чтобы привести одежду в порядок, а вовсе не для того, чтобы стать свидетелем измены. И хотя мимоходом мне довелось заняться последним, главной целью оставалось первое.

Поэтому я отделался от него равнодушным угу, не останавливаясь, вошел в ванную и принялся выводить пятно на одежде с помощью экстренного карандаша-пятновыводителя, который только что попросил у сотрудника отеля.

Ян Фу постоял немного в дверях ванной, подошел, обнял меня со спины и даже попытался изобразить обиду: У нас с тобой что, совсем нет доверия друг к другу?

Я промолчал.

Он поднес телефон к моему лицу и удалил контакт: Смотри, я удалил его, не злись, малыш, я правда не думал ни о чем таком. Если я хоть на секунду допускал такое, пусть меня молния поразит, ладно?

Тогда, услышав эти слова, я жутко испугался, что его и впрямь убьет молнией, и подумал: как

же так нельзя же говорить глупости, я ничего такого не думал, хватит, давай забудем, будто ничего не было.

Теперь, вспоминая об этом в деталях, я просто не могу постичь, как мог быть настолько тупым, как свинья.

Ян Фу никогда не признавал своих измен. Ни разу.

Самый вопиющий случай произошел, когда я вышиб дверь в клубную кабинку: все пуговицы на его рубашке были расстегнуты сидевшей у него на коленях девицей, но он все равно отказывался признавать вину.

Он утверждал, что раз штаны остались на месте, то это не считается изменой; заявлял, что на пляже его пресс тоже все видят, так что разница небольшая, если показать его кому-то в другом месте; уверял, что никому бы и не позволил расстегнуть свои брюки, а тогда просто подыгрывал ситуации и заранее продумал пути отступления, собираясь в следующую секунду найти повод оттолкнуть девицу, но я появился чуть раньше этой секунды.

Когда я спросил, не собирается ли он обвинить меня в том, что я пришел на секунду раньше, он ответил, что нет, лишь бы я был счастлив.

Тогда я едва не рассмеялся от его шуточек. Серьезно.

Я заявил, что отмечать день рождения не буду, но Ян Фу уговаривал меня, говоря, что круглую дату все-таки стоит отпраздновать, какая редкость — раз в десять лет, а тридцать лет человеку исполняется лишь раз в жизни.

Разве любой другой день рождения — не единственный в жизни?

Я ответил: Да брось, какой день рождения... В тот раз на мой день рождения ты прекрасно знал, как сильно я терпеть не могу Бянь Сичуаня, но все равно пригласил его. Я ушел, а ты преспокойно остался праздновать с гостями банкет без самого именинника. Судя по выложенным в соцсетях чужим фото, вы отлично повеселились.

Ой, я оговорился. Именинник там все-таки был. Бянь Сичуань же.

Много лет спустя, поразмыслив над этим, я понял: возможно, тот банкет изначально устраивался вовсе не в мою честь, а именно для Бянь Сичуаня.

<http://bllate.org/book/22057/2293523>